

Е. Хаткевич пытался привести их показания хоть к какому-то знаменателю. На этот спектакль было просто стыдно смотреть.

У меня сложилось впечатление, что все «сложившиеся» и судьи знают, что нас привлекают к ответственности ни за что, а точнее за то, что мы — «непростые» люди. Сотрудников силовых структур и судейского корпуса совсем не интересует, совершили мы что-то или нет. Для них главное — выполнить установку свыше и дать соответствующий срок наказания.

— *И еще один «тюремный» вопрос. Как Вы оцениваете условия содержания в ЦИП (Центре исполнения правонарушителей) на ул. Окрестина?*

— Не дай бог кому-то побывать в этом дерьме. Нахождение там унижает человеческое достоинство и к тому же небезопасно. Например, меня направили в камеру, где были обнаружены вши. Когда я стал возмущаться, охранник отвел меня в сторону и предложил сделку: если я замолчу, то он переведет меня в другую камеру. Я отказался. Жалобу подписали всей камерой. Тогда сидельцев нашей камеры перевели, а на наше место заселили других людей. Через пару дней вши расселились почти по всему этажу, начальству пришлось вызывать санитаров и делать прожарку.

В нашей камере сидел наркоман, больной гепатитом. Его предупредили, чтобы он не говорил о своей болезни, иначе его сгноят в «стакане» (каменный колодец, в который садят перед отправкой в суд или при переводе в другой изолятор. — *Авт.*)

Мне пришлось видеть мучения человека, больного эпилепсией. Еще был молодой парень с белой горячкой (только благодаря требованиям соседей по камере ему оказали медицинскую помощь).

За четыре дня до окончания 10-суточного ареста меня перевели в «двойник» с уголовником, за плечами которого было 25 лет отсидки. Как потом выяснилось, такие меры «профилактики» применялись и в отношении ряда политзаключенных.

ЦИП на Окрестина — как преисподняя, где многие люди теряют человеческий облик, ломаются. Там не знаешь, что с тобой может произойти в следующую минуту или в очередную ночь. Особенно тяжело приходится людям образованным, интеллигентным, больным и пожилым. Нахождение там — сущая пытка: невероятная скученность, зависимость от всех и каждого, некачественное питание, отсутствие отдыха и нормального сна, постоянно угнетенное состояние. Можно сказать, что условия отбывания административного ареста хуже, чем нахождение в колонии.

Побывав несколько раз в этом аду, я возмущаюсь, когда кто-нибудь говорит, что это, мол, ничего, терпимо и полезно «для просветления мозгов». Как будто беззаконие может быть в гомеопатических дозах. На самом деле у беспредела нет предела. Беззаконие в любом виде и в любой дозе останется беззаконием. И нормальному обществу должно быть не безразлично, в какие условия попадают его члены, которых сажают в милицейские изоляторы и ЦИПы по лживым обвинениям, т. е. ни за что!

Комментарий юриста

Действительно, нам не безразлично, что происходит и как обращаются с людьми, которые занимают активную гражданскую позицию, и в том числе с нашими коллегами-журналистами. Их хватают среди бела дня бойцы спецподразделений, переодетые в гражданскую одежду, потом везут в неизвестном направлении без объяснения причин. Оставляют в камерах милицейских учреждений на ночь, как преступников, однако без предъявления каких-либо обвинений. А утром, во время суда, они становятся «хулиганами» и «дебоширами». Суд выносит им обвинения без всяких гарантий защиты, даже в присутствии адвоката и публики. Свидетели-милиционеры плетут разные измышления, и судьи им верят. Наказание «ни за что» — 10, а то и 15 суток административного ареста. А там, в изоляторах, как рассказал мой собеседник, — преисподняя, где приходится спать на вшивых матрасах и есть баланду.

Это можно назвать беззаконием, произволом, беспределом, как угодно. Но такая ситуация превращает жизнь

многих людей в кошмар. И белорусское общество хотя бы убедить в том, что это нормально. Но это никак не стыкуется с тем, что наша страна находится в центре цивилизованной Европы, о чем нам постоянно напоминают государственные телеканалы. Как и о бурном развитии нанотехнологий, «силиконовых долин», о масштабной модернизации, стабильности и невиданных экономических победах. Однако на этом фоне большое количество образованных людей постоянно окунают в «пещерный век», где нет телефонов, телевизоров, прессы, чистой одежды, нормальной пищи, где отношение к обычным гражданам хуже, чем к закоренелым преступникам. Об этом власти и государственные СМИ молчат.

Однако оставим эпитеты и эмоции. Вернемся к строгому юридическому языку и правовым нормам.

Рассматривая ситуацию, в которой оказались Дмитрий Галко и его коллега Александр Ярошевич, остановимся лишь на наиболее существенных моментах. В том порядке, в каком они возникали в производстве по административному делу.

Гарантии неприкосновенности личности

В Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 года (далее — ПИК) черным по белому записано: *«Никто не может быть задержан за совершение административного правонарушения при отсутствии на то законных оснований и в нарушение порядка, установленного настоящим Кодексом»* (ч. 1 ст. 2.4).

По смыслу закона следует, что сначала должны быть основания для задержания. А только потом возможно задержание. Значит, создание «летучих отрядов» спецназовцев в гражданской одежде для вылавливания отдельных граждан недопустимо. Более того, такие действия являются преступными. Их можно квалифицировать по ряду статей Уголовного кодекса, в частности, ст. 183 «Незаконное лишение свободы» (ограничение личной свободы человека путем водворения его в какое-либо помещение или иного насильственного удержания при отсутствии признаков должностного или другого более тяжкого преступления), ст. 185 «Принуждение» (принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия к нему или его близким... либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления), ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий» (умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам).

По закону, на судье, прокуроре, органе, ведущим административный процесс, лежит обязанность (!) немедленно освободить всякого незаконно задержанного (ч. 2 ст. 2.4).

А что на практике? Ни один из указанных субъектов даже ухом не поведет, узнав об очередном «хапуне». Они молчат. Потому что знают, что их коллеги по «юридическому цеху» делают «важную государственную работу». А ведь этих «коллег» надо привлекать к ответственности как вероятных преступников.

Порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении административных правонарушений

Административное задержание состоит в кратковременном ограничении свободы лица, в отношении которого ведется административный процесс, за совершение им административного правонарушения; в доставлении его в орган, ведущий административный

процесс, и в содержании в данном органе (ч. 1 ст. 8.2 ПИК).

В законе также прописано, что административное задержание применяется в следующих целях: 1) пресечения противоправной деятельности; 2) составления протокола об административном правонарушении, если составление его на месте выявления (совершения) административного правонарушения не представляется возможным; 3) установления личности; 4) обеспечения участия при рассмотрении дела об административном правонарушении; 5) пресечения сокрытия или уничтожения доказательств; 6) обеспечения исполнения административного взыскания в виде административного ареста или депортации.

По просьбе лица, задержанного за совершение административного правонарушения, о месте его нахождения *в течение трех часов* уведомляются совершеннолетние члены его семьи, близкие родственники, защитник, наниматель, с которым задержанный состоит в трудовых отношениях, администрация учреждения образования, учащимся или студентом которого он является. О задержании несовершеннолетнего уведомление родителей или лиц, их заменяющих, обязательно.

В то же время лицо, в отношении которого применено административное задержание, срок которого длится более трех часов, содержится в местах, определяемых органами, ведущими административный процесс.

Как видим, процесс задержания в значительной мере отдается на усмотрение лиц, которые уполномочены осуществлять задержание. Они могут составить протокол о задержании на месте правонарушения, а могут доставить в отделение милиции. У них широкий выбор целей, для достижения которых гражданина можно задержать и увезти. Если человек будет просить сообщить родственникам или знакомым о его задержании, то «уполномоченные лица», по смыслу закона, должны в течение трех часов такое уведомление сделать. По истечении этого времени они могут гражданина отпустить, а могут держать и дальше. Как долго?

Ответ на этот вопрос содержится в ст. 8.4 ПИК. К примеру, на срок свыше трех часов, но не более чем на 72 часа (трое суток) могут задерживать лиц, совершивших административное правонарушение, за которое в качестве взыскания предусмотрен административный арест. При этом срок административного задержания исчисляется с момента фактического задержания. Протокол об административном задержании в таком случае составляется должностным лицом, которое проводило задержание.

Из этой нормы ПИК следует, что лица, которых оставляют «ночевать» в отделе милиции, должны совершить относительно тяжкие административные правонарушения, за которые грозит административный арест. Протоколы на них должны составлять лишь те работники милиции, которые их лично задерживали.

В случае с Д. Галко и А. Ярошевичем мы видим, что спецназовцы завезли ребят в отдел милиции и

оставили «сидеть». Никто им не объяснял, на каком основании они задержаны, им не разрешили позвонить, в том числе родным и адвокату. Их просто заперли в «обезьяннике» для обдумывания своего положения. И только утром «обрадовали» определенностью: их обвиняют в двойном правонарушении (нецензурная брань плюс оказание сопротивления работнику милиции). Правда, с составлением протокола пришлось попотеть, так как мастеров словесной изящности среди спецназовцев не нашлось.

Ночь в «обезьяннике»

Вместе с другими задержанными журналистов закрыли в камере. По словам Дмитрия Галко, «это помещение два на три метра, большую часть которого занимала деревянная “сцена” (нары)... Без окна, с мрачным тусклым светом, шершавыми грязно-зелеными стенами и залитым мочой полом. Последнее неудивительно, потому что дежурный не хотел себя утруждать выводом задержанных в туалет. “А больше тебе ничего не надо?” — ответил он на мою единственную за всю ночь просьбу. Потом он ее выполнил, раздраженно матерясь, когда я прикрикнул, что, мол, если задержали ни за что, то хотя бы имейте совесть, обращайтесь по-человечески».

Еще одна деталь, описанная Д. Галко: «Трезвому человеку, которого по труднообъяснимым причинам вырвали из нормальной жизни и бросили в этот жутковатый склеп, заснуть было нельзя. Постоять у одной стенки, перейти к другой, присесть на корточки, уставиться в прострации на тусклую лампочку. Приляжешь на “сцену”, глянешь в черный потолок, почти сразу вскочишь от ощущения, что тебя погребли заживо» (см.: *Как «непростых» людей в Беларуси бросают за решетку // Народная Воля. 2013. 21 мая*).

Как оценить это пребывание в «склепе»? Как оно согласуется с международными актами, которые ратифицированы Республикой Беларусь как членом ООН?

По большому счету, для нормального, интеллигентного человека водворение в этот «жутковатый склеп» можно признать пыткой в ее официальном понимании. Напомню, что определение пытки дается в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года). Под пыткой понимаются *«действия, которые какому-либо лицу умышленно причиняют боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома, или с молчаливого согласия»*.

Во всяком случае, Дмитрий Галко испытал страдания, физические и нравственные, осознал, что для него это наказание, запугивание и принуждение и что все это происходит в стенах государственного органа и с ведома его служащих. Другими словами, такая камера в РУВД — это пыточная, которой не место в современном демократическом государстве.

Можно сослаться и на другой международный документ — Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 года). Речь идет о задержанных по подозрению в совершении преступлений, а не каких-то административных правонарушений. И тем не менее в Своде требуется от государств, чтобы к задержанным и заключенным под стражу проявлялись гуманное отношение и уважение достоинства, настоящего человеческой личности. При этом подчеркивается, что ни одно задержанное или находящееся в заключении лицо не должно подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания.

Работники милиции как лжесвидетели

Дело против журналистов Д. Галко и А. Ярошевича еще раз подтвердило этот печальный факт, получивший массовое распространение. Ну как можно правдиво обвинить журналистов в том, чего они не совершали?!

В Кодексе об административных правонарушениях имеется ст. 24.4, предусматривающая ответственность за заведомо ложное объяснение свидетеля или потерпевшего, что влечет наложение штрафа от 10 до 50 базовых величин. Однако на практике нет случаев привлечения милиционеров-лжесвидетелей к ответственности. И это не случайно. Работники милиции, вызываемые в суды для дачи показаний, как бы отбывают повинность по указанию своего начальства. Тем самым они негласно получают индульгенцию на дачу ложных показаний.

К сожалению, белорусское законодательство допускает свидетельские показания работников милиции по делам об административных правонарушениях без всяких ограничений.

В нормах международного права вопрос о возможности использования показаний представителей власти прямо не регламентируется. Однако предполагается, что такие показания могут даваться лишь в исключительных случаях, когда нет другой возможности установить факты. К такому выводу позволяет прийти изучение норм Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 года).

Что можно предложить, чтобы прекратить практику лжепоказаний работников милиции в отношении «непростых» людей? Самая простая мера — установить запрет для работников милиции выступать в качестве

свидетелей по делам, в которых они сами принимали непосредственное участие.

Судья — не обвинитель, а независимый арбитр

Как свидетельствует практика, судебный процесс по делам об административных правонарушениях не содержит достаточных гарантий защиты прав и свобод так называемых правонарушителей. Например, Дмитрий Галко, несмотря на свою невиновность, наличие грамотного адвоката, изблечение милиционеров-спецназовцев в лживости их показаний, получил 10 суток административного ареста. Почему?

Да потому, что у нас не только лживые свидетели-милиционеры, но и зависимые судьи. Как можно осудить человека, если полностью разбит фундамент обвинения — свидетельская база. Никто не отменял действие презумпции невиновности, согласно которой лицо не может быть привлечено к административной ответственности, пока не будет установлена его виновность в совершении правонарушения (ст. 2.7 ПИК). Любые сомнения в обоснованности вывода о виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс, должны толковаться в его пользу.

Однако судья ничего не хотел видеть и признавать. Он был заранее ориентирован на осуждение. Для него даже нормы Конституции не имели силы: судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону (ч. 1 ст. 110).

Видимо, излишне говорить, что в цивилизованном мире (в рамках ООН) действуют Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов (приняты VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в августе — сентябре 1985 года). В этом документе к судам предъявляется главное требование — независимость. В этой связи от судов требуется, чтобы они решали переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом.

В отношении же судьи, который осудил человека «ни за что», остается только одна «перспектива» — ст. 392 УК «Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта».

Пока очевидно, что белорусскому обществу нужны другие суды и другие судьи. Но для того чтобы они появились, нужно провести радикальную судебную реформу, которая должна обеспечить независимость и самостоятельность судов и судей, которые будут вершить правосудие не в интересах власти, а на основании закона и по справедливости.

Хуже, чем в колонии

Административный арест относится к самым строгим мерам административного взыскания. Согласно ст. 6.7 КоАП, административный арест состоит в

содержании физического лица в условиях изоляции в местах, определяемых органом, ведающим исполнением административных взысканий, и устанавливается на срок до 15 суток.

По словам Дмитрия Галко и других журналистов, условия содержания в специальном месте изоляции административных правонарушителей — Центре исправления правонарушителей на ул. Окрестина — мало чем отличаются от того, с чем приходится сталкиваться при отбывании лишения свободы в исправительных колониях и тюрьмах.

Не делает чести нашему государству то, что в местах изоляции административных правонарушителей запрещены передачи с продуктами питания, не разрешают пользоваться мобильной связью, интернетом, заниматься спортивными играми. Т. е. условия более жесткие, чем предусмотрены Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, принятыми ООН еще в 1955 году. В них говорится о минимальной площади, которая должна отводиться для каждого осужденного, об освещении, отоплении, вентиляции, санитарных требованиях и даже о банных установках.

Позором является и то, что государство не стесняется брать деньги с «арестантов» за питание. При выходе на свободу им вручают квитанцию на оплату «обслуживания» за время нахождения в ЦИПе.

Мне представляется, что административный арест как вид административного взыскания следует отменить вообще, поскольку его последствия не соизмеримы с тем вредом, физическими и нравственными страданиями, причиняемыми «арестантам». Кроме того, следует иметь в виду политический подтекст такого взыскания, которое обычно применяется к политическим оппонентам власти с целью их наказания и устрашения.

Ситуация, которая произошла с журналистами Дмитрием Галко и Александром Ярошевичем, наглядно показала, какими беззащитными перед произволом властей остаются независимые журналисты и любой человек, имеющий мужество высказать критическое мнение в отношении царящего в стране беззакония. Только гласность, журналистская солидарность и информирование общества о всех нарушениях прав человека могут остановить этот произвол и изменить ситуацию в нашей стране к лучшему.

Фото Б. Горецкого